

**ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИНФИНИТИЗМ
В СТАНОВЛЕНИИ-РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ**
M. N. Щербинин, O. V. Захарова

COGNITIVE INFINITISM IN FORMATION-DEVELOPMENT OF HUMAN ESSENCE
M. N. Shcherbinin, O. V. Zakharova

Предметом рассмотрения данной статьи является процесс формирования человечества как духовной целостности и субъекта деятельности. При этом духовное единство связывается с единством сознания, самосознания, обобщения различных потребностей, интересов целей и идеалов. Практическое единство реализуется в общении, в сфере политики, экономики, социального взаимодействия. Рассмотрены познавательные инструменты, с помощью которых происходит становление человечества: мифология, искусство, рациональность. Продемонстрированы основные этапы укрупнения объемов и форм общения. В статье отмечается, что становление новых форм общения сопровождается процессом раскрытия человеческой сущности, осознания человеческого сообщества человечеством. Отмечены особенности современного этапа этого процесса, его противоречия и перспективы. Результаты исследования могут быть использованы в области философской антропологии, социальной философии, глобалистике. В статье продемонстрирована крайняя динамичность становления человечества и прямое присутствие в нем сознания, самосознания и науки. Сделан вывод о том, что прямые перспективы выстраивания человеческого общения зависят от объемов и масштаба обобщения потребностей, интересов, идеалов.

The paper discusses the process of the formation of the humanity as spiritual integrity and subject of activity. Thus the spiritual unity contacts the unity of consciousness, self-consciousness, generalization of various requirements, balance of interests of the purposes and ideals. The practical unity is realized in communication, in the sphere of policy, economy, social interaction. Tools by means of which humanity is formed are considered: mythology, art, rationality. The main stages of enlarging the rate and forms of communication are shown. The authors note that the formation of new forms of communication is followed by the process of the humanity's revealing the human essence, understanding the human community. Features of the present stage of this process, its contradictions and prospects are outlined. Results of research can be used in the field of philosophical anthropology, social philosophy, global studies. The dynamism of mankind, its dependence on consciousness, consciousness and science are shown in the paper. The conclusion that further prospects of formation of mankind depend on volumes and the scale of generalization of requirements, interests, ideals is drawn.

Ключевые слова: антропология, антропосоциогенез, человечество, сущность человека, рациональность.

Keywords: anthropology, antroposotsiogenesis, humanity, essence of the human, rationality.

Проведенное нами исследование рациональности [6; 4] и ее пределов открыло новые проблемы и горизонты исследования. В частности была поставлена проблема формирования человечества как некого сущностного единства, обозначены ступени этого формирования, выявлены различные аспекты данной проблемы.

Отмечалось, что для формирования вселовеческого единства нужны были особенные средства и вспомогательные инструменты. Таким инструментами становилась мифология, философия, искусство и т. д. При этом мы полагаем, что «процесс антропогенеза продолжает и продолжает совершенствоваться... Феномен человека и его сущность продолжают находиться в ситуации крайне динамичного и противоречивого развития-становления, в ситуации отсутствия фактора неотвратимости конечного предела и его сознания» [7, с. 10].

Хорошо известно, что аборигены повсеместно и в целом автономно пользовались мифологическим объяснением природного и человеческого бытия. И только лавинообразное нарастание контактов, размывание резких границ между своими и чужими, внутренним и внешним потребовало иных мыслительных средств для бурно развивающегося сознания. Постепенно уходили в прошлое орнаменталистское обозначение бытия как бесконечно фрагментарно повторяющегося этнического своеобразия, «фамильное» обобщение

родового отношения к миру, исключительно конкретное чувственно-наглядное мышление. Родоплеменные пристрастия и суеверия противостояли друг другу, и, следовательно, в целях укрупнения масштаба, объема и форм общения должны были быть укroщены.

Значительное место в постепенном раскрытии человечеством своей сущности занимало искусство: изначально в этом преуспела архитектура, затем скульптура, живопись, театра, музыки и т. д.

Еще одним инструментом открытия человеческого единства стала рациональность. Оказалось, что абстрагирование и широкомасштабное интеллектуальное обобщение положительного опыта межчеловеческого общения стали средством, спасающим людей от взаимоистребления. Именно абстрагирование позволяло отдельным этносам отказаться от переполненной пристрастиями конкретики собственного бытия, не самой существенной, прежде всего, в отношении к иному социуму. Тем самым открывался путь к обобщению усилий, способностей и возможностей уже как к их объединению. Понятно, что наиболее эффективным образом абстрагирование и обобщение проявились в условиях размывания межплеменных, межэтнических границ и возникновения крупных государств.

В истории человечества примитивный коллектизм, родовой строй и доминанта общинного уклада жизни обеспечивали безусловный приоритет локаль-

но общего. Но это доминирование постепенно «размывалось» в условиях обособления больших земельных владений, складывающихся государственных образований, нарастания количества рабов у крупных землевладельцев и т. п. Нарастало содержание отрефлексированного противостояния общего уже как всеобщего (с претензией на всеобщность) и единичного как противостояние социального и индивидуального. При этом на чаше весов оказались отдельное, особенное, обособленное, мое и наше, свое и чужое, выделенное и приобщенное, собственное и обобщенное, государственная сила и личное достоинство, право и особое мнение.

За общим и всеобщим как менее всего очевидным закрепился статус умозрительного и в перспективе даже идеального. Такое общее (и тем более всеобщее) нуждалось в подтверждении дополнительными доказательствами, в опоре на логику и аргументацию.

«Сгущение» социально значимой информации вплоть до образа или фигуры «цепи происхождения» способствовало структурированию крайне распыленного всеобщего. Причинно-следственный характер смыслового связывания социально значимой информации оказался очень продуктивным, полезным для теоретического оформления не только идеализма, но и его мощного оппонента, материализма, для естествознания и для гуманитарного познания в целом.

Изложенная выше преамбула процесса осуществления и становления рациональности вообще и научной рациональности в частности позволяет характеризовать ступени восхождения европейского мышления как все более новые, более прогрессивные, современные формы обобщения («обобщения») суммативного опыта жизни, опыта все более масштабного, разрастающегося человеческого общения в его качественном и количественном многообразии.

После античности и средневековья речь идет уже о содержательной сущности, в которой задействован и сам индивидуальный дух, и содержательная множественность межличностных отношений. От родовой сущности и сущности формальной человеческий мир сдвигается также медленно, как и верно, к всечеловеческой сущности. Н. А. Бердяев пишет: «Человеческий род перерождается в человечество. Этот переход в иной план бытия из плана материального. В этом кризисе рода и материи и в окончательном рождении человека и жизни духа – сущность нашей эпохи» [1, с. 261].

По мере развития общественных отношений интеллектуальный потенциал общения постоянно возрастает и оформляется в виде новых направлений расширяющейся рациональности. Обобщение разных сфер и проявлений человеческой деятельности хорошо наблюдается в экономической, политической, правовой и собственно научной областях, т. е. в реальной жизни недеятельности людей.

Закономерность общественного развития уже в эпоху Возрождения наполняется многочисленными реальными человеческими переживаниями, «человечностью» индивидов, «человекостью» индивидуального, а не только переживаниями избранных и присутствием родового начала или «родового вообще». Естественно, что для такой стадии обобщения в воз-

можном и индивиды, и социум должны были накопить и сосредоточить значительное содержание в самом единстве человеческого разнообразия.

Между тем в действительности XVII век был, скорее, веком разобщения людей в Европе. Войны народов, соперничество властителей, захват территории и т. п. плодили гнев, боль, страх, жестокосердие, т. е. чувства и эмоции, которые трудно было обобщать через солидарность, свободу, братство всех народов. Наступало время надежды на разум, на проповедование. В таких условиях разум сам абсолютизирует свои собственные возможности, правда, еще только как именно возможности.

Обобщение, таким образом, связывает действительность и возможность. Действительность как уже воплотившая в себе, по Гегелю, «единство сущности и существования или внутреннего и внешнего» [2, с. 312] получает в социуме новую статистически вероятностную перспективу, в противовес однозначной предопределенности исторического развития и механическому детерминизму.

И надо сказать, XVII век в европейской истории оказался на этом пути наиболее представительным. В полемической остроте столкновений янсенизма, иезуитов, пробабилизма, провиденциализма, ригоризма и строгого детерминизма Спинозы выковывалось более полноценное знание о возможности человеческого разума в самостановлении человека и в его самопознании.

В XIX – XX вв. все отчетливее обнаруживаются пределы рациональности, с одной стороны, и открываются ее новые горизонты, с другой. Рационально выстроенное социальное действие все чаще приводит к социальным катаклизмам, противоречиям, экологическим проблемам и личным трагедиям. Отсюда следует вывод, что рациональность нуждается в глубоком переосмыслинении.

Общечеловеческие масштабы человеческой сущности, широко, если не повсеместно, шагнувшей за пределы сущности «родовой», требуют отказаться от безрассудства силы, когда считается, что «сила есть – ума не надо», отказаться от наивного благодушия в характеристиках своего же воздействия на природу, от житейской безалаберности, от сумасбродства идей, от самоубийственной мысли, направленной на уничтожение жизни вообще. Наоборот, специфическим проявлением рациональности в сфере человеческого общения выступает благоразумие. Мы считаем, что разум должен стать самокритичным. В условиях доминанты науки, оставляющей человечество в подвешенном состоянии, перед лицом навязываемой постчеловеческой цивилизации разум должен продемонстрировать свою мудрую силу в самокритичном ограничении безудержных амбиций.

Относительно современности, некоторые авторы полагают, что движение к всечеловеческой сущности проявляется как формирование глобалистского, или общечеловеческого менталитета. Он должен способствовать преодолению конфликтов между цивилизациями и решению общих для человечества проблем [3]. Необходимость совместных решений и действий, например, для преодоления глобальных проблем, заставляет перешагивать узкий горизонт локальных

интересов. И хотя интересы и потребности человеческих сообществ в глобальном мире по-прежнему разнообразны, им все чаще приходится выступать как единое человечество не только в духовном, но и в практическом плане.

Более того, дальнейшее развитие процесса формирования человечества как единого целого открывает вполне реальные перспективы расширения общечеловеческого единства до биосферного [5].

Подводя итоги вышеизложенного, хочется вернуться к вопросу о «вещи в себе» и «вещи для нас». Применительно к человеку и человечеству становится очевидной незаконченность, незавершенность оформления человека и человечества как «вещи в себе», ее крайний динамизм и явная зависимость от сознания, самосознания и науки. Предметно-объектные характеристики человека и общества как непрерывно «собщающихся сосудов жизни», материального и идеального, физиологического и психологического обнаруживаются как крайне противоречивые, спорные, развернутые как бы в бесконечное прошлое и бесконечное будущее, в целостность и полноту ограниченного-отдельного, в непостижимость разнообразия [8].

Созревание человечества, историческое взросление человека и «человекости» усиливало интегративность общения и обобщения. Географическая, культурно-историческая, этическая, экономическая и т. д. разобщенность человечества медленно, но верно уступала новому порядку единения всех частей света. Для того чтобы возникло целое, части тоже должны были ощущаться только лишь как именно части, т. е. как не достаточно полноценное и самодостаточное образование. Производственно-ресурсная, хозяйственно-экономическая зависимость колоний от метрополии и, наоборот, зависимость метрополий от коло-

ний питали буржуазную рациональность во все возрастающих масштабах. «Дальнобойность» рациональности предполагала рациональность не только субъекта, но и объектов (людей).

При этом явно возрастала зависимость частей от соединяющего и объединяющего их возможности центра. Концентрация власти и военно-политической мощи, капитала, наконец, подчеркивала опять-таки тот далеко не столь очевидный вывод, что «целое больше суммы частей». Внеэмпирический характер такого вывода, в свою очередь, подчеркивал значение рациональности, прежде всего, в области социального познания, создавая своеобразную защиту для всего феномена центральной власти.

И все-таки целостность общения зависит от обобщения не только мыслей множества индивидов и социальных групп. Выстраивалась грандиозная задача обобщения разнообразных потребностей. За этим возникла необходимость в балансе интересов, целей и идеалов. Работающая в данном направлении рациональность испытывала противоречие между осознанием того, что нужно всем, всем частям, и того, что нужно именно господствующему центру. Да и сама интеллектуальная элита оказывалась часто по разные стороны такой баррикады. Рационализм революционеров явно противостоял рациональному консерватизму представителей власти. В конечном же счете все зависело опять-таки от объемов и масштаба обобщения потребностей, интересов, идеалов с учетом исторической перспективы человечества, возможных будущих поколений. Финитизм государственного pragmatизма должен быть достроен инфинитизмом человеческой личности, человечества и самопознания.

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1997. Т. 3. 471 с.
3. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Роль менталитета в преодолении антропогенных кризисов // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1(11). Т. 6. С. 166 – 180.
4. Захарова О. В. Пределы рациональности в решении экологических проблем // Вестник Тюменского государственного университета. (Серия: Философия). 2014. № 10. С. 102 – 109.
5. Швейцер А. Благовенение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 576 с.
6. Щербинин М. Н., Пупышева И. Н., Павловский А. И. Возможности, задачи и пределы научной рациональности в гуманитарном познании: учебное пособие. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. 200 с.
7. Эстетическая антропология: коллективная монография. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 248 с.
8. Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997. 367 с.

Информация об авторах:

Щербинин Михаил Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, kafedrafilosofii@mail.ru.

Mikhail N. Shcherbinin – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University.

Захарова Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, kafedrafilosofii@mail.ru.

Olga V. Zakharova – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University.

Статья поступила в редакцию 03.02.2015 г.